

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «История». Том 17 (56). 2004 г. № 1. С. 34-41

УДК

Палькеева Е.А.

ХУДОЖНИК ВАСИЛЬЕВ В ЯЛТЕ. ВЫСОЧАЙШИЕ ЗАКАЗЫ

Мой рай, но и мой ад заключался

в моей любви к искусству.

Ф.Васильев

Современники называли его лириком пейзажной живописи. Молодой талантливый художник Ф.Васильев за свою короткую жизнь написал более сотни живописных работ, сепий, акварелей, рисунков. Участник выставок в Петербурге, Москве, Всемирных выставок в Лондоне (1872) и Вене (1873), он «в продолжение трех лет умел, на моих глазах, развиться до той высоты, на которой он не только соперничал, но и превосходил других маститых художников... Я полагаю, что русская школа потеряла в нем гениального художника», - писал И.Н. Крамской Стасову.

Родился Васильев 22 февраля 1850 года в семье мелкого чиновника под Петербургом в Гатчине. В 15 лет потерял отца и стал единственным кормильцем в семье. Некоторое время он служил на почте, но любовь к живописи побудила его принять единственно правильное для него решение – идти по пути развития своего таланта. Работая у одного из лучших реставраторов Петербурга - Соколова, он с 1863 по 1867 год посещал вечерние классы Рисовальной школы при Обществе поощрения художников, где познакомился с целой плеядой талантливых живописцев, которые высоко оценили талант молодого художника. Шишкин, Репин, Крамской принимали деятельное участие в формировании Васильева, не только обогащая его творческое мировоззрение, но и помогая в практической стороне жизни.

Большую помощь оказывал ему известный писатель Григорович, который познакомил его с графом Сергеем Георгиевичем Строгановым, активным членом и влиятельным деятелем в Обществе поощрения художников. Затем, с его помощью, работы Васильева были представлены и Высочайшему семейству.

Хотя академического образования Васильев не получил, уже в 21 год к нему пришло признание. Его картину «Оттепель» приобретает для своей галереи известный меценат и коллекционер Павел Третьяков, а императорская семья заказывает с нее повторение. (Ныне картина находится в Русском музее Санкт-Петербурга).

1872 году картина «Оттепель» была послана на Лондонскую выставку, где получила высокую оценку критиков.

Необыкновенно тонкое восприятие картин природы Васильевым буквально очаровывало зрителя. Художник, порой до болезненности ощущавший глубину и красоту окружающего его мира, делил пейзажистов на два рода: « первый род, - по его мнению, - происходит из бездарности, которая не в состоянии охватить человека, как большую задачу, а потому бросается на более легкое, как им кажется, - на

ХУДОЖНИК ВАСИЛЬЕВ В ЯЛТЕ. ВЫСОЧАЙШИЕ ЗАКАЗЫ

камни, дерева, горы и т.п.; другой род – люди, ищащие гармонии, чистоты, святости; они невольно становятся поклонниками природы...» [1, с. 448.]

Жизнь молодого художника была полна творческих планов и устремлений в будущее, когда их прерывала тяжелая болезнь.

В конце 1871 года. Васильев, плохо одетый, забыв даже, к несчастию, дома кашне, катался с несколькими товарищами на коньках на льду у Тучкова моста. Здесь он сильно простудился и слег в постель, заболев пневмонией. К весне обнаружились первые признаки чахотки. По совету врачей, он принимает приглашение графа Сергея Георгиевича Строганова, принимавшего в молодом художнике живое участие, и едет в его Харьковское имение. Состояние здоровья его, однако, не улучшается, и 18 июля Васильев приезжает в Ялту вместе с матерью и двумя братьями, где снимает комнату в доме Бейман.

Ялтинский период жизни Васильева (1871-1873 гг.) стал для него очень сложным. Прогрессирующая болезнь с некоторыми проблесками улучшения, тоска по общению с друзьями-художниками, безденежье – все это порой весьма негативно влияло на его внутреннее состояние. Однако, как писал Крамской в письме к Репину 28 ноября 1871 года: «...С одной стороны болезнь и работа за деньги ему вредили..., а с другой – полет фантазии, ум и самая техника принимали такой оригинальный характер, такое благородство, что просто из ряда вон, да и только...»

И.Н.Крамской, с которым Васильева связывала тесная дружба, был не только его творческим наставником, но и человеком, которому Васильев доверял все свои душевные переживания.

Крамской, в свою очередь, также высоко ценил молодого художника и писал ему: «Жизнь моя не была бы такая богатая, гордость моя не была бы так основательна, если бы я не встретился с Вами» [5.]

После приезда Васильева в Ялту между ними завязалась душевная переписка. Письма, отправленные из Ялты Крамскому – это письма-исповеди, в которых описывается не только жизнь в Крыму, порой полная проблем и житейских невзгод, но и раскрывается душа художника со свойственными ей бесконечными поисками красоты и совершенства.

Крымскую природу Васильев принимает не сразу, ища в ней не экзотическую яркость южных видов, а величественную торжественность гор и вечную проникновенность морских пейзажей, однако познав ее, он не перестает ей восхищаться: «Из окна наслаждаюсь природой. Что за прелест! Яркое, как изумруд, море усеяно катерами... У горизонта море принимает замечательно-неуловимый цвет: не то голубой, не то зеленый, не то розовый. А то волны неторопливо идут откуда-то издалека отдохнуть на берег, на котором они, впрочем, грохаются совершенно неприличным образом. Волны, Волны!... безошибочно их ни рисовать, ни писать невозможно, даже обладая полным их механическим и оптическим анализом. Остается положиться на чувство и на память... Думаю написать большую штуку с волнами Я буду обладать, значит, и другим жанром – мокрым...» [1, с. 350]

Художника все более начинают привлекать морские пейзажи.

ПАЛЬКЕЕВА Е.А.

Новизна манеры, поэтичность образов не оставили равнодушными к работам Васильева и членов Высочайшего семейства. По заказу В.К.Владимира Александровича, сына Императора Александра П., Васильев пишет для царской семьи несколько картин

Благодаря письмам к Крамскому, мы можем проследить как рождались эти картины, как мучительна порой была работа на заказ, сколько душевых и физических сил, материальных средств было затрачено на то, чтобы содержать семью и поддерживать свое угасающее здоровье.

Написанная для Великого князя Владимира Александровича, картина «Горы и море» была одной из первых работ, где художник обратился к новой для него теме.

«Оканчиваю картину Великому Князю Владимиру Александровичу, который 25-го сего месяца июля» прибудет в Ялту с Государем. Я-таки одолел себя и без особых изменений довел картину благополучно до конца. Сказать по совести, картина вышла хороша, если взять в расчет все условия, а в особенности совершенную новизну сюжета: горы и море», - пишет Васильев в письме к Крамскому.

Великий князь Владимир Александрович, который любил живопись и хорошо ее понимал, некоторое время был председателем Академии художеств. Он высоко ценил работы Васильева, и по приезде в Ялту, новой картиной художника остался доволен, заказав ему написать еще 4.

11 августа 1872 года Васильев пишет Крамскому: «Окончил и сдал картину Великому Князю Владимиру Александровичу; очень остался доволен, заказал еще четыре. Как разлетаются все мои планы! Это просто непостижимо. Теперь я должен буду работать без увлечения, без желания даже, так как картины эти – скорее фрески, потому что они назначаются для украшения ширм, которые Великий Князь хочет, кажется, подарить кому-то накануне Рождества, т.е. 24 декабря, к которому я должен их закончить... Я, сколько ни старался, не смог отказаться от этой работы, потому что не имел ничего сказать в свое оправдание, а лгать не хотелось. Теперь я с грустью смотрю на начатые картины (для конкурса), видя всю невозможность их окончить» [1, с. 446]. Заказ Великого князя Владимира Александровича был предназначен для Императрицы Марии Александровны. Кроме того, Государыня, которая не знала о готовящемся подарке, заказала еще одну картину у художника.

22 октября Васильев в полном отчаянии пишет Крамскому о тех трудностях, с которыми он столкнулся с написанием картин вскоре после отъезда царской семьи: «Взял я этот заказ еще 7-го августа; 9-го числа того же месяца Великий князь уехал из Крыма. Я начал компоновать эти четыре картины. Оказалось, что необходимо сделать этюды. Я обратился к извозчикам. Желая нанять кого-нибудь на месяц, что было необходимо по дальности назначенного мною для этюдов месте, и трудности дорог. Меня совершенно ошеломила цена: эти уроды, извозчики, не соглашались дешевле 200 и 250 руб. в месяц, не имея никакого желания тратить такие деньги на этюды (я и так очень дешево взял за картины, а именно 2000 руб.), я решился подождать приезда Великого Князя в Крым 10 сентября, чтобы поставить ему это на вид и попросить себе экипаж или прибавить цену на картины. По приследе Его

ХУДОЖНИК ВАСИЛЬЕВ В ЯЛТЕ. ВЫСОЧАЙШИЕ ЗАКАЗЫ

Высочества, я сейчас же отправился к Нему и сказал, в чем дело. Он отговорился тем, что экипажей совсем нет лишних, и, что он отдал бы в мое распоряжение свой, но благодаря ожиданию Цесаревича, Он и этого не имеет права сделать, но при конце все-таки сказал: «Я постараюсь это устроить, а пока передаю вам желание Государыни, которая просила меня узнать: нет ли у вас чего-нибудь или готового уже, или такого, что можно окончить к 5-му октября? Государыня желает подарить Марии Александровне (дочери) картинку или картину». Итак, в ожидании экипажа я оканчивал картинку Императрице; эта картинка предназначалась Григоровичу, но должно быть не судьба. 3-го октября принес ее в кабинет Вел. Князя, установил ее там хорошенько (Вел.Князя не было дома) и велел камердинеру сказать, что я желаю видеть Его Высочество. Отправился в парк и ожидал, когда приедет Вел.Князь; но Его Высочество не пришел и только прислал сказать, что не может никак меня сегодня принять, потому что должен сейчас ехать с Государем кататься. Я отправился к Лазаревскому, управляющему Ливадией, с которым я очень хорошо знаком, и у них встретил адъютанта В.Князя адмирала фон-Бока. Этот адмирал из разговора моего и Лазаревского узнал, что я желаю достать экипаж в Ливадию и, несмотря на мое упорное молчание на все его предложения услуг, взялся силой вести это дело. Я принужден был принять его услуги, не имея никаких положительных причин отказаться от такого добродушного предложения услуг. Ну-с, этот Бок все испортил настолько, что я потерял всякую надежду получить экипаж или деньги, и притом он старательно оттирал меня от личных объяснений с В.Князем, так что я потерял все, что надеялся добиться, а главное, пропасть времени. Увидев полную невозможность закончить заказ к сроку и не желая более оставаться в этом гнусном положении, я отправился прямо к Великому Князю, застал его спящим и сказал камердинеру, что мне непременно нужно видеть Вел. Князя Владимира Александровича, а потому пусть он так и доложит. Через пол часа В. Князь меня принял. Его Высочество встретил меня словами: Чем я могу вам служить?» Смотрите, как ваш покорнейший слуга умеет в минуты гнева (!!!) быть придворным человеком. Вот, слово в слово, моя защитительная речь: «Смею просить прощения у Вашего Высочества за то, что так часто осмеливаюсь Вас беспокоить; но обстоятельства заставляют меня поставить на вид Вашему Высочеству все затруднения, которые я встретил и продолжаю встречать; в случае моего молчания, вся тяжесть ответственности за неисполнение заказа ляжет на меня. Что будет несправедливо. Я не имею права и желания отказываться от заказа, но пришел просить у Вашего Высочества отсрочки, не видя ни малейшей возможности исполнить работу к сроку»... На это мне было сказано: «Ах, извините меня! Я совсем забыл мое обещание выдать вам пропуск в Ливадию, но я это сию минуту прикажу сделать. Ведь это одно из затруднений?» - Это, Ваше Высочество, одно из главных, и на это я истратил больше всего времени, и притом совершенно бесплодно.- «Но вы его получили?» - Получил. Но должен казать, что не могу им довольствоватьсь, Ваше Высочество, так как этот пропуск имеет ограничения. - «Какой же вам нужен? Ведь других нет; это - пропуск для служащих в Ливадии». - Мне нужен свободный пропуск, с которым я мог бы быть там, где мне нужно; только свободный пропуск даст мне некоторую надежду окончить к сроку. (Этого

ПАЛЬКЕЕВА Е.А.

опять нельзя, потому что Императрица не желает никого из посторонних в Ливадии).- «Я не знаю, что сделать для вас, потому что только Императрица может распоряжаться своим именем». В.Князь был так добр со мной и всегда так прост, что я решился спросить, что-нибудь для того, чтобы ему не очень дерзким показалось мое поведение (ведь он мог подумать, что я только желаю отказаться от заказа), а потому я и начал следующее: «Не могу ли знать, Ваше Высочество, кому вы желаете сделать этот подарок? Но я уверен, что это – подарок; мне необходимо знать это. (Он немножко подумал, но все-таки сказал, что Императрице – это ведь секрет, конечно). В таком случае, не могу ли я, Ваше Высочество, сделать к 24-му декабрю что-нибудь другое, например вид с балкона нового дворца. Эту картину я успею.- «Прекрасно, а ширмы останутся своим чередом; вы их сделаете к апрелю месяцу. Желаю вам совсем поправиться; не советую много работать, а побольше заботиться о здоровье. Я завтра уезжаю; картину вы вышлите на мое имя. Прощайте, будьте здоровы»... Вот, с 7-го августа, в которое я в последний раз держал в руках кисти, чем я занимаюсь! Сегодня я с ужасом увидел, что картину эту очень трудно успеть написать, хотя нечего допускать и вопроса о невозможности: эту я должен написать, хотя бы целый год не было ни одного светлого дня, хоть бы пришлось писать по 27 часов в сутки. Великий Князь уехал, кажется 12 сентября, а у нас сегодня 22 октября, и у меня еще не начата картина! С 12-го сентября я начал этюд, и до сих пор не могу хоть сколько-нибудь его порядочно подготовить: то облако, то туман, то дождь, то ветер! Я не говорю уже о том, Что приходится писать не более трех четвертей часа, потому что освещение страшно быстро меняется; не говорю и о том, что приходится ездить за 12-ть верст в гору и платить по 10, 15 редко по 8 рублей за экипаж, который взбирается туда три часа, четыре там отдыхаем (а я – плати), да два часа едет назад. Я трачу девять часов для того, чтобы работать 45 минут!!!» [1, с. 454]

Васильев весьма скептически относился к написанной им картине: «.... Надеюсь на Господа Бога и снисходительность людей, которые не прогонят меня сквозь строй за такие, по истине, гениальные произведения. Тут еще не достает булочника для того, чтобы это произведение обладало всеми достоинствами. Эта несчастная картина портит мне все дни, часы и минуты; аппетит с первого часа исчез совершенно, постоянные головные боли и безысходное беспокойство! Для этой картины я потерял два месяца хождения по дворцам, деньги и еще месяц для написания ее самой. Еще можно было бы взять выработкой деталей, правдой; но и это совершенно невозможно за недостатком времени» [1, с. 458]

12 декабря. В письме Васильев сообщает, что написанную картину отоспал в Петербург. «О посланной картине сообщаю следующее: эта картина – прегнусная по всему; это случилось, во-первых, от того, что я должен был написать ее в один месяц (!!); во-вторых, от того, что это – заказ, и, в-третьих, сюжет – отвратительно казенный, который, между прочим, нельзя было и изменять, так как это место – портрет. Как грустно, что не удастся вам увидеть ее и сообщить мне, насколько она отвратительна. Письмо это придет к Вам, когда картина эта уже будет сдана В.К.Владимиру Александровичу. Но знаете, что я должен за нее взять 2000 руб.,

ХУДОЖНИК ВАСИЛЬЕВ В ЯЛТЕ. ВЫСОЧАЙШИЕ ЗАКАЗЫ

minimum – 1500 руб., и то в таком только случае, если цифра 2000 руб. не покажется уже слишком безобразной. Величина картины – 2 арш. И 1 арш. 6 верш. Ширина (даже и по размеру дорого).» [1, с. 462]. Васильев просил, чтобы картину передал великому князю Григорович и попросил его: «1-е, чтобы он сообщил во дворце цену картины тогда только, когда узнает какое впечатление она произвела; 2-е, если впечатление будет хорошее, то пусть объявит цену 2000 руб. и присовокупит, что художник просит картину окончить, что он не сделал не имея времени; 3-е, если картина не понравится, то пусть объявит цену 1500., но уже не объявляет о желании художника окончить, ибо сей художник должен будет... не только не получить выгоды, но наоборот приплатить из своего кармана... Сколько я потерял благодаря этим заказам. Я с 7-го августа написал только одну эту картину, когда мог написать 3 и притом хороших» [1, с. 462]. За картину Великий князь Владимир Александрович сам назначил цену – 800 руб., что не шло в соответствии с расчетами художника. «Эта цена – 2000 - безобразною покажется только тому, кто не знает, что она мне стоила. Я уже не говорю в нравственном отношении... но прямо в отношении средств денежных... чистыми деньгами на нее затратил 350 рублей; следовательно, за картину я получил 450 руб. Очень хорошо!» [1, с. 552].

Далее художник сообщил, что из 800 рублей, полученных за картину, 400 пришлось отдать в счет долга Обществу поощрения художников.

Картина, о которой идет речь, получила название – «Вид из Эриклика». Она заслужила высокую оценку Высочайшего семейства и, в последствии, стала одной из визитных карточек художника. Сам же художник, лишенный конструктивной критики своих друзей-живописцев, как правило, оставался всегда недоволен своими картинами: «Я видите ли ужасно мучаюсь, глядя на свои картины. До какой степени они мне не нравятся, что я просто в ужас прихожу. Крайне нуждаюсь в советах и суждениях людей, понимающих природу, я созываю к себе мысленно всех компетентных судей мне знакомых... Мои судьи здесь главные – Лазаревский и Клеопин (управляющий имениями Мордвинова), но первый слишком строг и положительно не распространяется о достоинствах картины, если он их и замечает, а нападает только на недостатки. Клеопин, радуясь, что он сам художник, чаще всего сам себя утешает». [1, с . 465].

Его трепетную душу волновала работа над другой картиной, которая предназначалась для конкурса в Обществе поощрения художников и которая поглощала все его мысли и чувства.

Работа над ней требовала выхода на пленер, где художник с горечью отмечал, что не может полностью сосредоточиться на начатой картине и предаться охватывающему его творческому вдохновению. На очереди стоял заказ на ширмы, предназначенные для Императрицы.

16 декабря 1872 года Васильев пишет Крамскому: «Сейчас вернулись с берега. Как вы, дорогой друг, не браните Крым, а все-таки – удивительное место. Сегодня 16 декабря и, несмотря на это, на солнце в два часа дня было 17 градусов тепла... Небо голубое, голубое, солнце, задевая лицо, заставляет ощущать сильную теплоту. Волны – колоссальные, и пена, разбиваясь у берега, покрывает его на далекое пространство густым дымом, который так чудно серебрится на солнце... Картина, в

ПАЛЬКЕЕВА Е.А.

самом деле так очаровательна, что я рву на себе волосы - буквально,- не имея возможности сейчас бросить все дурацкие заказы и приняться писать эти волны.» [1, с.461]

Периоды творческого подъема сменялись спадами и душевным кризисом, вызванными житейскими проблемами и ухудшением состояния здоровья.

Благодаря знакомству с художником Михаилом Петровичем Боткиным, Васильев наблюдался у его брата – лейб-медика Императорского двора Сергея Петровича Боткина, который то обнадеживал, то делал малоутешительные прогнозы, отдаляя отъезд из Ялты.

Светская жизнь в городе все более вызывала раздражение и критику у художника, который стремился как можно скорее уехать в столицу, где он мог бы усиленно работать и наверстывать утерянное время. Хотя и в Ялте бывали приятные моменты, например, встреча Нового 1873 года у князя Трубецкого, который, по словам Васильева, был очень приятным человеком.

Отъезд в Петербург все откладывался: и здоровье не позволяло, и денег не было.

Работа над ширмами стала важной для художника с точки зрения так необходимого для него заработка, ибо денег присылаемых на содержание Обществом (100-150 руб.) едва хватало на оплату квартиры.

3 февраля Васильев пишет, что к концу марта 4 картины для ширм должны быть готовы, хотя он за них еще и не брался « даже подрамников и холста для них нет». А тут еще И.А.Монигетти, придворный архитектор, которому были заказаны сами ширмы, через управляющего Ливадией Лазаревского, постоянно напоминал, чтобы художник выслал татарские надписи под картины, которые должны были быть вырезаны в дереве ширм. «Все, что я потерял с этими треклятыми заказами, непоправимо и невозвратимо...» [1, с. 542], - с горечью пишет художник.

26 февраля через Григоровича Васильев предполагал передать картины Монигетти на дом, с тем, чтобы он вставил их в ширмы и отправил их на выставку в Общество, а затем передал Великому Князю Владимиру Александровичу для подарка Императрице. Поскольку, по мнению Васильева, картины и ширма, представленные порознь, много бы потеряли в восприятии заказчиков. Однако жизнь вносила свои коррективы. Очень много сил забирала болезнь.

15 марта он пишет: «Здоровье эти дни имеет лучше. Вчера начал работать проклятое панно. Я пропустил по болезни столько времени, что уверен - к сроку не успею: два панно еще совсем не начаты, а два начатые возьмут еще день другой; Следовательно, на два панно останется 14 дней...» [1, с .579]

Однако и этим планам не суждено было исполниться. Здоровье все более ухудшалось, писать становилось все труднее: «Я так болен, -писал в те дни Васильев, -что уже три недели не работаю... Вот они: слабость, отсутствие всякой энергии, беспредельная мнительность и проч.» [1, с. 584] В его письмах, как крик души, звучали вопросы: «Что же мне делать, откуда я стану добывать деньги, больной? Кругом долги...» [1, с. 587].

ХУДОЖНИК ВАСИЛЬЕВ В ЯЛТЕ. ВЫСОЧАЙШИЕ ЗАКАЗЫ

25 марта Васильев переезжает на новое место жительства, на дачу Цабеля, так как, по мнению доктора Боткина, в прежней квартире он поправиться не мог из-за плохих условий и сырости. В последнем из опубликованных писем, датированным 25 июля 1873 года, Васильев вновь сообщает, что поселился на новой даче «..которая гораздо лучше, но... здоровье все тоже, если не хуже! Вот адрес: Дача Задонского, по почтовой дороге, Ф.А. Васильева, в Ялту» [1, с. 589]

Жизнь совсем еще молодого художника, полная надежд, идей, нерастраченных чувств, желания работать была прервана безжалостной болезнью.

24 сентября, утром, в возрасте 23 лет художник Федор Александрович Васильев умер от чахотки. Похоронили его в Ялте на Поликуровском кладбище.

Крамской писал в те дни В. Стасову: « В продолжение трех лет он умел, на моих глазах, развиться до той высоты, на которой он не только соперничал, но и превосходил других маститых художников... Я полагаю, что русская школа потеряла в нем гениального художника».[4]

К сожалению, многие творческие планы Васильева так и остались не реализованными...

Последняя завершенная картина, написанная в Ялте, которой художник отдал столь много душевных сил, была высоко оценена на конкурсе в Обществе поощрения художников, где ей была присуждена первая премия. (Картина «В крымских горах» ныне находится в Государственной Третьяковской картинной галерее).

После смерти Васильева, Императрица приобрела два его альбома, а Герцогиня Эдинбургская, Мария Александровна, дочь Александра II, пожелала непременно получить на память о Васильеве в Лондоне какую-нибудь его работу – так она любила картины и талант молодого художника. В ее апартаментах были устроены большие ширмы, в которые вставили 8 пейзажей художника.

Жители Ялты также не забыли имени этого талантливого художника. Спустя годы именем Васильева была названа одна из центральных улиц города, а в небольшом живописном сквере установлен памятник художнику.

Список литературы

1. Вестник Изящных Искусств: Письма Ф.А.Васильева к Н. Крамскому. 1871-1873. Изд.при Императорской Академии художеств под ред. А.И.Сомова., т.УП, С-Пб. 1889 г.- С.448-589
2. Скляренко В., Иовлева Т., Рудычева И., Васильев Ф.: 100 знаменитых художников XIX-XX вв., 2002 г.С.61-68
3. Чурак Г. Последний пейзаж //Крымский альбом. Москва: Изд. дом Кохтебель. 2000. –С.63-72
4. Травин И. Большой русский художник //Искусство. М.: Искусство. С.-56-61
5. Чурак Г. Ф.Васильев.// Юный художник.- 2000, №3. С.8-13

Поступило в редакцию 07.12.2004